

УДК 304.2

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-204-219

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБЗОР:
КАТЕГОРИИ *ТОЛЕРАНТНОСТЬ/ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ*
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Романова Татьяна Владимировна

доктор филологических наук, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 603155, Нижний Новгород ул. Большая Печерская, д.15/12, каб. 310
tromanova@hse.ru

В обзоре представлен анализ содержания и исследовательских подходов к изучению категорий толерантность, политкорректность с лингвокультурологической и философской точек зрения; определены основные направления, тенденции и приоритеты развития исследований указанных категорий в отечественной и мировой науке.

Проблема выработки инструмента измерения толерантности встала на повестку дня российского исследовательского сообщества сравнительно недавно. Политологи, социологи, этнографы, историки, подчеркивая актуальность языка, на котором говорят с обществом средства массовой информации и политические деятели, отмечают проявление этнической, расовой, религиозной толерантности или интолерантности в этом языке, прямо или косвенно провоцирующие агрессию. Известно, что «безопасность» и «геополитика» как артикуляционные практики тоже соответствуют социополитическим и социолингвистическим параметрам интолерантного речевого поведения: они позиционируют «Другого» в качестве угрозы базовым ценностям, определяющим коллективную идентичность «Я», и поэтому выводят эти ценности из сферы политического.

В условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии и развития толерантности на территории России как полиэтничного и поликонфессионального государства необходимым является осмысление толерантности как культурного, психологического, политического феномена. Вместе с тем, лингвистический феномен толерантности в аспекте культуры речи, стилистики, риторики, теории коммуникации, дискурсивных практик, оценки недостаточно изучен. В обзоре указаны исследования, посвященные, главным образом, лингвистическому аспекту толерантности, в которых выявляются коммуникативные технологии толерантности; измеряется и анализируется современная лингвокультурная ситуация в Российской Федерации.

Сегодня без знания коммуникационных закономерностей невозможно эффективно осуществлять управление. Применение коммуникативных моделей помогает созданию действенных механизмов взаимодействия в информационном пространстве. Толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Ее роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, политкорректность, язык политкорректности

Введение

Понятия толерантность и политкорректность, вошедшие в русский язык относительно недавно, используются в тезаурусе разных наук и сфер жизни. Считается, что цель этого социального регулятива – способствовать комфортному существованию людей разных национальностей, верований, статусов и убеждений в мультикультурном обществе, в российском в частности. Ведь именно с 90-х гг. XX в. (провозглашение М. Горбачевым «нового мышления») можно считать отправной точкой развития понятия и появления для него соответствующего термина) наблюдается плюрализм ценностей и размытость этических норм в культуре. Однако толерантность так и не стала для российского общества социальной и культурной ценностью. В первую очередь, как нам кажется, по причине манипулятивной природы данного регулятива.

С другой стороны, в условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Ее роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов, одним из которых является возникшая в конце 40 гг. XX века тенденция политкорректности. Профессор политологии Лондонской школы экономики Чандрани Кукатас в своем труде «Либеральный архипелаг» называет толерантность явлением, «имеющим фундаментальное значение» в современном «мире, полном разногласий» [Кукатас 2011: 210]. Этим объясняется исследовательский лингвистический интерес к названным категориям, обусловленный необходимостью выработки инструмента измерения толерантности. Задача данного обзора – привлечь внимание читателя к содержанию публикаций по указанной проблеме и исследовательским подходам к ее изучению, определить *основные направления, тенденции и приоритеты развития исследований в отечественной и мировой науке.*

Исследование толерантности как коммуникативной и философской категории в мировой науке

Согласно гипотезе Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа, в определенном смысле социальная реальность конструируется и категоризируется в языке [Sapir 1949; Whorf 1972]. Это значит, что название Других в дискурсивной практике устанавливает и/или укрепляет границы между группами в социальной реальности. Так, классическими стали исследования Ван Дейка и его школы о дискурсивных стратегиях и объяснительных моделях, где в качестве Мы-группы выступает этническое большинство, а в качестве Они-группы – этнические меньшинства [Dijk van Teun 1997]. Одной из основных особенностей текстов «большинства» является так называемая поляризованная репрезентативность, то есть наделение Мы-группы и Они-группы прямо противоположными признаками, как правило, создающими бинарные оппозиции. Оппозиции «Я» – «не Я», «свой» – «чужой» рассматриваются в свете проблемы идентичности и в трудах по социальной психологии [Шеффер, Скарабис, Шледер 2004].

Во второй половине XX века наблюдается развитие когнитивно-коммуникативных теорий в языкознании, ключевыми среди которых являются работы Пола Грайса о постулатах (максимах) коммуникации и разговорных импликатурах [Grice 1975], теория речевых актов Джона Остина [Austin 1975], те-

ория сохранения лица и теория вежливости Брауна и Левинсона [Brown, Levinson 1996]. Согласно их разделению вежливости на позитивную и негативную, в позитивной вежливости необходимо использовать средства, которые располагают коммуниканта к себе, то есть покажут, что он относится к группе «своих». С точки зрения негативной вежливости от высказывания и, следовательно, от коммуниканта можно дистанцироваться. За основу берется учение И. Канта о доброй воле как автономной, самоопределяющейся, свободной способности морального субъекта.

В XX столетии толерантность выступает как самостоятельная проблема, которая рассматривается в сопоставлении с интолерантностью. Философские убеждения Дж. Локка, сформулированные им в «Послании о веротерпимости» и «Опытах о веротерпимости», позволяют осмыслить понятие толерантности как философскую категорию. Однако современная разнонаправленность содержательных характеристик, видящих в толерантности, во-первых, жизненный принцип, способствующий выживанию человека в современной цивилизации (А.Г. Асмолов, Р.Р. Валитова, С.К. Бондырева, Н.П. Медведев, Б.Б. Шалин и др.), и, во-вторых, прикрытия для реального безразличия, раскола, доминирующего в современном сообществе и характеризующего противоречивость понятия, парадоксальность его как ценности (М.Б. Хомяков, В.М. Золотухин, П. Николсон, Б. Уильямс и др.), дает основание для выделения в научной мысли ряда подходов, определяющих толерантность/интолерантность как ценностные позиции современного общества.

В зарубежной традиции, во-первых, выделяют так называемую «кажущаяся толерантность», которая мыслится как уклонение от разрешения конфликта исходя из соображений выгоды, лени или риска; истинная толерантность мотивируется признанием приоритета прав других над тем, что «я сам считаю благом» (политические исследования Фонда Бертельсманн, Мюнхенский университет). Понимание толерантности как принятой установки или умонастроения (Майкл Уолцер, Институт передовых исследований при Гарварде) предполагает некоторые различия: а) религиозная терпимость предполагает отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя спасения мира; б) толерантность как позиция пассивности, расслабленности; в) толерантное отношение как принципиальное признание права иного, «даже если такой способ пользования этими правами вызывает неприязнь»; г) толерантность как возможность открытого отношения к другим, выражающаяся в проявлении интереса, любопытства, желания прислушаться и учиться; д) толерантность как восторженное, эстетическое одобрение различий [Жукатас 2011].

Второй тип, «благодарная» толерантность описывается Джоном Стюартом Миллем в эссе «О свободе». Согласно Миллю, толерантность ограничивается вредом, наносимым другим членам общества, и моральной зрелостью человека и общества. Однако это определение границ толерантности является весьма сложным, неопределенным и размытым. Первая сложность заключается в том, что есть две модели понимания вреда: слабая модель, по которой в понятие вреда включается «любой моральный ущерб, всякое оскорбительное деяние»; и сильная модель, согласно которой понятие вреда включает в себя только физическое воздействие. Эти модели очень сильно различаются, кроме того, неопределенно и

само понятие вреда. Вторая сложность состоит в том, что критерий «моральной зрелости» сам по себе является неопределенным, что «делает теорию Милля попросту нелиберальной» [Кукатас 2011:117].

Третий тип понимания толерантности – это толерантность как «благо-в-себе». На возможность такого понимания указывал Питер Николсон, который в то же время крайне мало упоминает о практической возможности существования толерантности как самостоятельного блага, не нуждающегося в каком-либо обосновании. Именно благодетельность толерантности является наиболее дискуссионной характеристикой этого понятия. В связи с подобными сложностями в официальных документах (к примеру, в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО) используется замена понятия «толерантность» другим, хоть и близким по смыслу, но все же другим понятием, к примеру, «уважение к личности человека» или «уважение к разнообразию культур» [Шефер, Скарабис, Шледер 2004].

Каждый из данных подходов к определению толерантности имеет свои достоинства и недостатки, и дискуссии об определении понятия «толерантность» и о толерантности как одной из ценностей современного общества все еще продолжаются.

Отечественная традиция рассмотрения категории толерантность

Что касается отечественной традиции рассматриваемой категории, то, например, О.А. Михайлова указывает на то, что лексическая единица толерантность не зафиксирована ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, ни в других толковых словарях XVIII-XIX вв., т. е. слово толерантность в его «ментальном», а не «биологическом, медицинском» значении является недавним заимствованием [Михайлова 2005: 101]. И.А. Стернин предполагает, что соответствующее понятие до недавнего времени не существовало в русской концептосфере. «Оно только начинает формироваться в русском сознании и заполнило собой в языке мотивированную лакуну» [Стернин, Шилихина 2005: 5]. О.А. Михайлова же считает, что отсутствие в русском языке слова толерантность еще не говорит об отсутствии понятия [Михайлова 2005].

Авторы монографии «Коммуникативные аспекты толерантности» предлагают рассматривать толерантность с лингвокультурологической точки зрения как часть культурного концепта, а именно как ядро лингвокультурного поля, в которое, кроме прочего, входят слова, связанные на ассоциативном и семантическом уровне с терпимостью, терпением и ненасилием [Стернин, Шилихина 2000]. Говоря о терпимости как о свойстве души, авторы упомянутой выше монографии рассматривают ее как психологическую черту личности и ставят ее в один ряд с такими высокими душевными качествами, как великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость и готовность помочь. По мнению исследователей, перечисленные личностные качества являются составляющими «русской идеи», которая, в свою очередь, предполагает такие концептуальные признаки, как сочувствие и доброта.

Надо заметить, что терпимость предполагает пассивное восприятие субъектом реальности. Получается, что между понятиями толерантность и терпимость не стоит ставить знак равенства. Все-таки толерантность подразумевает активное отношение к «другому». Именно поэтому определение толерантности

в «Толковом словаре иностранных слов» [Крысин 1998: 701] не является исчерпывающим. В этом определении не учитывается такой концептуальный признак, как 'поведенческий аспект толерантности'. Толерантность предполагает умение находить согласие с людьми других мнений, убеждений, национальностей, социальных слоев, политических взглядов. По той же причине (отсутствие активного субъекта) толерантность нельзя отождествлять с ненасилием. Ненасилие означает в первую очередь «отказ от принуждения, притеснения», т. е. не подразумевает признак 'деятельность'.

Толерантность – это «взгляд на мир без устойчивых негативных эмоций и оценок» [Стернин, Шилихина 2000: 5-6]. Толерантность руководствуется противопоставлением «свой — чужой», а не категориями терпимости «хорошо — плохо». Толерантное поведение основывается на принципе: «никто не может быть судьей в вопросах добра и зла». Она «не предполагает обязательного разделения мнения другого человека и тем более одобрения этого мнения или поступка. Толерантный человек фиксирует в своем сознании и собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме...» [Там же: 16].

Согласно позиции Т.А. Воронцовой, изложенной в статье «Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект)», толерантность, наряду с агрессией и вежливостью, является одним из типов речевого поведения [Воронцова 2009: 4], который характеризуется подавлением речевой агрессии, сохранением неприкосновенности коммуникативного пространства говорящих, сбалансированным диалогом с последовательной сменой коммуникативных ролей. Толерантное речевое поведение направлено на паритетный диалог, познание «чужого». Толерантность может выражаться через тактику ухода от конфликтных тем или через представление предмета речи с разных позиций [Там же: 6].

С когнитивной точки зрения толерантность можно определить как сложный формат междисциплинарного знания, имеющий социокультурную основу, который можно представить в виде матричной структуры. Компоненты такой матрицы будут определяться «областями толерантности». Так, социолог М.С. Мацковский предложил классификацию толерантности, которая закрепились в научной среде [<http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT>].

Толерантность и политкорректность

Принцип толерантности является идеологической основой политкорректности и политкорректного языка. Термин «политическая корректность», «политкорректность» (от англ. political correctness, сокр. PC) начал использоваться в США в конце XX века, а затем появился и в других странах мира. Однако точное время появления выражения политическая корректность до сих пор остается невыясненным.

Не сложилось единого мнения и об определении содержания понятия «политическая корректность», что, по-видимому, связано с широким спектром его применения в публицистике, на страницах прессы и на телевидении. В зарубежных изданиях авторы в основном акцентируют внимание на социальных и идеологических предпосылках политической корректности [Кукатас 2011]. Так, британская энциклопедия «The Hutchinson» дает следующее определение:

«Политическая корректность – разговорный термин, использующийся для определения либерального отношения к проблемам образования и общественного положения и всего с этим связанного. Чтобы быть политически корректным, надо реагировать на проявления расизма, сексуального насилия, проявлять беспокойство об окружающей среде» [The Hutchinson 1995: 357]. Нельзя также не обратить внимание на частотность негативной оценки данного явления, например: «политическая корректность – полуфашистское идеолого-политическое движение в 80–90-е годы в США, распространяемое главным образом либеральными группами и заключающееся в навязывании строгого соблюдения нейтрального языка применительно к полу, возрасту, сексуальной ориентации, расовой принадлежности, гражданским правам и ограничению свободы слова при обсуждении вышеперечисленных тем» [Raymond 1995: 312].

В российской гуманитарной науке существуют разные точки зрения на рассматриваемое явление, в том числе и на наличие отрицательной коннотации у слова политкорректность [Ионин 2010, Лобанова 2015 и др.]. Политкорректность как социальный регулятив часто связывают с «лицемерием, стремлением уйти от реальных общественных проблем, замалчиванием острых противоречий, с дискриминацией большинства, насильственной маргинализацией устоявшихся традиций» [Большая актуальная политическая энциклопедия 2009: 242]: «политкорректность – специфическая форма цензуры смыслов <...> Не столько система запретов на высказывания и самовыражение, сколько метод реформирования внутреннего мира человека и самой структуры мышления путем выведения ряда слов и понятий из языка либо мутации их значений» [Строев 2015]. Политкорректность – «мировоззрение, формулируемое сегодня различными меньшинствами, образовавшими мягкую коалицию «потерпевших»... Их общий признак состоит в том, что они считают себя в первую очередь жертвами, поскольку подвергались дискриминации в том или ином виде» [Лобанова 2015].

Л.Г. Ионин, автор работ по различным проблемам социологии, убежден в том, что *«политкорректность – это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса»* [Ионин 2010: 210].

Для лингвистов, как и в случае с толерантностью, важной является лингвистическая составляющая рассматриваемого регулятива, а именно язык политкорректности. В.В. Майба в статье «О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)» пишет: «Под языком политкорректности естественно понимать словарь, «очищенный», «правильный» вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию социальных групп, находящихся в невыгодном положении» [Майба 2012: 102]. Исследователь рассматривает язык политкорректности как двухуровневое образование, включающее идеологемы, то есть слова и выражения, которые непосредственно выражают ценности и установки политкорректности, и собственно политкорректные языковые единицы, представляющие собой результат применения идеологем политкорректности к языковой системе. Идеологема – слово или выражение, смысловое содержание которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических

взглядов, особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Майба 2012: 102]. Идеологемы политкорректности выполняют функцию регулятивов, формирующих в сознании носителей языка картину мира и определяющих их действия. Политкорректность представляет общественную жизнь полярной, выделяет в ней «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное», «добро» и «зло». С помощью таких оппозиций задаются базовые ценности политкорректности. В качестве примеров можно привести такие лексемы, как равноправие/дискриминация, терпимость/нетерпимость, уважение/унижение, единство в разнообразии/ иерархичность.

Манипулятивный аспект рассматриваемых регулятивов

В сфере внимания исследователей находится манипулятивный аспект рассматриваемых регулятивов. Так, о манипулятивном потенциале понятия толерантность пишет А.В. Рязанов [Рязанов 2007], рассматривающий толерантность как «слово без корня», удобное для манипуляции в силу своей размытой универсальности. По наблюдениям исследователя, термин толерантность используется в парадигме с другими терминами, образующими лексико-тематическую сетку текста (например, социальное партнерство, гражданское общество). Исследователь приходит к выводу, что манипуляция термином толерантность приводит к снижению социальной, экономической и политической активности населения. Справедливости ради, скажем, что толерантность оценивается неоднозначно не только современным российским обществом и не только на бытовом уровне. Критика толерантности допускается и в современной мировой философии. Ярким представителем критической мысли является словенский философ Славој Жижек. С. Жижек критикует не собственно толерантность, а ее «фальшивую либеральность и мультикультурализм» [Жижек 2007: 9-37]. Критике подвергается, скорее, не понятие и не термин толерантность, а практика реализации понятия в европейских государствах. В интерпретации Жижека толерантность превращается в свою противоположную сущность – нетолерантность – за счет отчуждения «меня» от «другого», то есть обособления индивида и определенных групп в обществе при строгом соблюдении дистанции с другими индивидами и группами. Философ считает, что «уважение мультикультуралиста к личности Другого и есть форма утверждения собственного превосходства» [Жижек 2005: 110]. Кроме того, по мнению автора, толерантность встает на пути естественного взаимодействия, не допуская возможности конфликта, который со времен античной философии признается действенным способом познания. Толерантность, по мнению философа, отсылает нас к идеальному представлению об обществе, где нет места исключениям.

Методы исследования проблемы толерантности в отечественной науке

Российские исследования проблемы толерантности опираются на качественные методы, в большей мере анализируя типы и виды объяснительных моделей или дискурсивных стратегий. Они могут дать характеристику дискурсу в целом, но не позволяют ни оценить масштаб явления, ни сравнить различные издания, региональную специфику и т.д. Однако такая методика позволяет исследовать именно влияние дискурса на дискриминационные социальные практики. Наиболее важным в таких исследованиях является анализ языкового

поведения как этнического большинства, так и меньшинства, причем наиболее важный их вывод – это то, что в дискурсах и большинства, и меньшинств используются общие модели. Одним из важных результатов этой работы явился вывод о сложности отделения доминирующих объяснительных моделей в языке радикальных текстов (например, теория заговора) от принятого в обществе нормального дискурса, языка большинства. Основные дискурсы, господствующие в обществе («классический», «этнический», «хозяйский», «культурный» расизм [Карпенко 2002]), в той же мере распространены и используются как в общественном дискурсе, так и в маргинальных слоях общества. Отличие состоит в способах презентации этих моделей. Например, в общепринятых текстах будет отсутствовать экспрессивная лексика, которая в радикальных текстах используется только в дискриминационных дискурсивных моделях [Дубровский, Карпенко, Кольцова, Торчинский, Шпаковская 2003].

Примером других работ, посвященных толерантности, являются исследования, в которых основной упор делается на типологию форм высказываний. Согласно В. Мальковой, «этническая» информация распространяется по «этническим каналам». Сама же информация делится на «концентрированную», которую несут СМИ этнических диаспор и меньшинств, и «рассеянную», которую распространяют «наднациональные издания». Особой проблемой при этом называется «содержание и направленность» этнической информации, а также ее «потенциальный эффект». В частности, В. Малькова указывает на существование «этнопозитивной» и «этноконфликтной» этнической информации [Малькова 2002].

Исследовательская группа правозащитных организаций (среди которых – Центр «Панорама», Фонд защиты гласности, Центр развития демократии и прав человека и Московская Хельсинкская группа), которые проводили мониторинг уровня ксенофобии на страницах печатных СМИ в различных регионах России, предложила определять уровень интолерантности по принципу наличия дискриминации по отношению к определенным группам (объекты языка вражды) и по шкале выраженности дискриминационных лозунгов и призывов [Язык вражды против общества 2007]. Весь спектр текстов был разделен на три категории: жесткий язык вражды (прямые и непосредственные призывы к насилию, призывы к насилию в виде общих лозунгов, прямые и непосредственные призывы к дискриминации, призывы к дискриминации в виде общих лозунгов, завуалированные призывы к насилию и дискриминации), не столь жесткий, средний язык вражды (оправдание исторических случаев насилия и дискриминации, публикации, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации, утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической группы и т.д.), относительно мягкий язык вражды (создание негативного образа этнической группы, упоминание названия этнической группы в уничижительном контексте, утверждения о неполноценности той или иной этнической группы как таковой, утверждения о моральных недостатках той или иной этнической группы и т.д.).

Данный обзор показывает, что последние проведенные исследования толерантности/ интолерантности относятся, в основном, к первому десятилетию 21в. Очевидно, что на сегодняшний день картина изменилась, и это требует нового научного осмысления.

Комплексное исследование феномена толерантности

Проведенный обзор также показал отсутствие комплексного исследования феномена толерантности на основе интеграции методологии и эмпирических данных лингвокультурологии и социолингвистики.

Примером такого исследования является коллективная научная монография: Т.В. Романова А.Ю. Малафеев, Н.Н. Морозова, М.А. Климова (М.А. Фокина). Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (*анализ материалов СМИ и политического дискурса*). Монография / Научный редактор: доктор филологических наук, профессор Т. В. Романова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. 304 с. Монография подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)».

Исследование, результаты которого представлены в монографии, было посвящено, главным образом, лингвистическому аспекту толерантности: посредством анализа регионального и федерального политического дискурса, материалов федеральных и региональных СМИ и др. источников выявлены коммуникативные технологии толерантности/интолерантности; в качестве противопоставления толерантности проанализированы экстремистские, конфликтные речевые стратегии и тактики; определено и описано содержание понятия языковая толерантность; измерена и проанализирована лингвокультурная ситуацию на территории Российской Федерации и Нижегородской области как субъекта Российской Федерации.

Новизна решенной исследовательской задачи связана с рассмотрением политкоммуникации и толерантности как отражения современных социальных реалий. В исследовании ускорившаяся динамика языковой ситуации описана с учетом факторов, ранее на язык не воздействовавших, среди них: трансформация и даже упадок традиционных и возникновение новых ценностей и регулятивов, включая институт семьи, школы, армии, государственной власти, церкви и межконфессионального взаимодействия и др.; расстановка политических сил в мире и связанное с ней изменение системы ценностей и новых идеологий; крупномасштабные миграционные процессы. Факты, обнаруженные эмпирическим путем, получили методологическое обоснование: осмыслены трансформации этнического самосознания и социальной идентичности под воздействием мультикультурализма и глобализационной экономики с иными ценностными ориентирами. Все это конкретизировано на примере полиэтничной территории Нижегородской области с использованием предлагаемых подходов к анализу речевой коммуникации. Кроме того, новизна проведенного исследования определяется использованием корпусных и компьютерных технологий для обработки и хранения данных на естественном языке.

В монографии представлен сравнительный анализ концептов Толерантность и Tolerance/Toleration на материале собственных корпусов на русском и английском языках. Для этого был создан специализированный корпус интернет-текстов о толерантности, состоящий из двух подкорпусов: русского и английского. Собранный мини-корпус доступен для использования в исследовательских целях по следующей ссылке: <https://sites.google.com/site/toleranceresearchproject/#corpus>.

По собранному материалу описаны типы толерантности/интолерантности: политическая, религиозная, этническая. Выявлены и проанализированы метафорические модели, посредством которых в публичных выступлениях и СМИ проявляется религиозная, сексуально-ориентационная, расовая, политическая, социальная толерантность / интолерантность.

В тексте монографии представлен лингвокогнитивный анализ экспликации отношения к толерантности в текстах, опубликованных в сети Интернет: в результате чего выявлены характерные языковые средства и речевые приемы выражения отрицательного отношения к толерантности и наиболее часто речевые приемы выражения отрицательного отношения к толерантности и наиболее часто критикуемые концептуальные признаки ТОЛЕРАНТНОСТИ: «западность» толерантности, ее противопоставление русским ценностям; агрессивное навязывание толерантности; индифферентный характер толерантности; «лукавство» толерантности, ее опора на двойные стандарты, манипулирование людьми; размытость понятия; стремление исказить существующие ценности; парадоксальность толерантности, ее внутренние противоречия.

В результате анализа количественных показателей работы компьютерной программы по определению интолерантности комментариев к блогам политиков и причин расхождений в результатах экспертной и автоматической оценки авторами монографии были разработаны рекомендации по работе с программами автоматического анализа тональности текста на материале политического дискурса. Пополнение базы данных и результаты исследования (публикации) отражены на информационном ресурсе, посвященном проекту (<https://sites.google.com/site/tolerceresearchproject/#publications>) и в мини-корпусе <https://sites.google.com/site/tolerceresearchproject/#corpus>.

На материале экспресс-опросника «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, Л.А. Шайгерова) проведен анализ уровня толерантности студентов нижегородских вузов, НИУ ВШЭ, НИУ ННГУ им. Н.В. Лобачевского, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Проведено анкетирование студентов нижегородских вузов (в опросе принял участие 231 человек) на предмет выявления общего уровня толерантности, а также уровня этнической, социальной и личностной толерантности. Охарактеризована выборка (гендерная и возрастная специфика респондентов, аффилиация и т.д.), количественные данные анкет студентов нижегородских вузов обработаны с помощью компьютерного обеспечения Excel и SPSS. Определено процентное соотношение респондентов, демонстрирующих высокий, средний и низкий уровень каждой из анализируемых субшкал толерантности: этнической, социальной и личностной толерантности. Определено процентное соотношение ответов, демонстрирующих высокий, средний и низкий уровень толерантности, на каждый из 22 предложенных вопроса. Проведен расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена с помощью программы SPSS на предмет анализа связей между различными субшкалами толерантности.

В результате проведенного исследования авторы монографии пришли к выводу о том, что студенты нижегородских вузов демонстрируют средний уровень толерантности. Так, преимущественно средний уровень толерантности респондентов выявлен в отношении социальной толерантности (76%), этнической

толерантности (71%) и личностной толерантности (62%). Субшкала «этническая толерантность» выявляет отношение человека к представителям других этнических групп и его установки в сфере межкультурного взаимодействия. Субшкала «социальная толерантность» позволяет исследовать толерантное и интолерантное проявления в отношении различных социальных групп (социальных меньшинств, преступников, психически больных и др.). Субшкала «толерантность как черта личности» включает пункты, диагностирующие личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру.

Уровень этнической толерантности студентов оказался в среднем выше уровня социальной толерантности (25% респондентов продемонстрировали высокий уровень этнической толерантности, и только 9% продемонстрировали высокий уровень социальной толерантности). Наибольший уровень социальной дистанции был продемонстрирован в отношении социальных групп (беженцев и психически больных людей), наименьший – в отношении религиозных групп и течений. На основе проведенного расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена с помощью программы SPSS сделан вывод о наличии значимой связи между толерантностью как чертой личности и этнической толерантности, а также вывод об отсутствии значимой связи между этнической и социальной толерантностью.

Монография может быть использована преподавателями вузов, студентами, исследователями в смежных областях знания, административными и общественными структурами, занимающимися проблемами толерантности.

Заключение

Назовем еще ряд авторов, опубликовавших в последние годы результаты своего исследования феномена толерантности: Бакулина С.Д., Белозерова А.С., Бюзелева Т.В., Шелемова Г.М., Исаева З.Ш., Купина Н.А., Михина О.В., Михин А.Н., Петухова Т.Н., Рыжкова Ж.Б., Синельникова Л.Н., Шаповалова Т.А., Хруненко А.В., Южакова Ю.В. и др.

Литература

Большая актуальная политическая энциклопедия/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009.

Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 21–31.

Дубровский Д.В., Карпенко О.В., Кольцова Е.Ю., Торчинский Ф.И., Шпаковская Л.Л. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознанию текстов ненависти. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003.

Жижек С. Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005.

Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма [Текст] М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.

Карманная энциклопедия The Hutchinson. М.: Внешсигма, 1995.

Карпенко О. «И гости нашего города» // Отечественные записки. 2002. № 6.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз, 1998.

Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы. Пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А. В. Куряева. Москва: Мысль, 2011.

Лобанова Л. П. Осторожно: политкорректность// [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=7334&hideText=0&itemPage=1> (21.02.2015).

Майба В.В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)// Политическая лингвистика, 2012, №2. С.102–108.

Малькова В. Остановитесь! Оглянитесь! К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. М.: ИЭА РАН. 2002.

Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Мы – сограждане (СМИ и общество). М.: Бонфи, 2002. Т. 2. С. 296–313.

Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М.: НИК, 2002. С. 158–159.

Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. 2003. № 4. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT> (дата обращения: 07.12.2014).

Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллектив. моногр. / отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99–111.

Мультикультурализм или интеркультурализм? Опыт Австрии, России, Европы / Отв. ред.: В.Г. Сибирцева; науч. ред.: В.Г. Зусман, Т.Б. Сиднева, Н.Э. Гронская, В.С. Ахамер, Т.П. Понятина. Т. 9. Н. Новгород: Деком, 2013.

Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р.Н. Индекс (ин) толерантности прессы // В кн.: Язык вражды против общества / Сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. С. 72–106.

Романова Т.В., Малафеев А.Ю., Морозова Н.Н., Климова М.А., Фокина М.А. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса). Монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017.

Рязанов А.В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» // Философия и общество. Волгоград, 2007. №1(45). С. 82–98.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000.

Строев С.А. В чем смысл политкорректности? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nechtoportal.ru/mirovaya/v-chem-smysl-politkorrektnosti.html> (13.01.2015).

Шефер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 1. С. 24–51.

Язык вражды против общества / Сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007.

Austin John L. How to do things with words: [the William James lectures delivered at Harvard University in 1955]. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1975.

Brown Penelope, Levinson S.C. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. C. 61–91.

Dijk van Teun. Discourse as structure and process. London: Sage, 1997.

Dijk van Teun. Discourse as social interaction. London: Sage, 1997.

Grice H. Paul. Logic and Conversation. // Syntax and semantics 3: Speech arts, Cole et al. «Logic and conversation», 1975. C. 41–58.

Gurochkina Alla. Conflict and Tolerance in Communication // Sino USEnglish Teaching. Volume 9, Number 2, February 2012. David Publishing Company, USA, 2012. C. 946–951.

Kämper Heidrun. Duldung Toleranz Respekt. Leitwörter des interkulturellen Diskurses // Aptum 3/2008. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur, Bremen: Hempfen, 2008. C. 242–256.

Levinson Stephen C. Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature. Cambridge, Mass: MIT Press, 2000. C. 11–42.

Raymond W.J. Dictionary of Politics. – Brunswick Publishing Co., Lawrenceville, Virginia, 1995.

Sapir Edward. In Language, Culture, and Personality // Selected Writings of Edward Sapir. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949. P. 162.

Whorf Benjamin. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y.: Oxford University Press. L.: Toronto, 1972. P. 242–243.

**INFORMATIONAL REVIEW:
CATEGORIES TOLERANCE / POLITICAL CORRECTNESS
AS AN OBJECT OF LINGUISTIC STUDY**

Tatiana V. Romanova

Doctor of Science in Philology

Professor of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages

National Research University “Higher School of Economics”

310, 15/12, Bolshaya Pechiorskaya Street

603155, Nizhniy Novgorod

tromanova@hse.ru

The review presents the analysis of the content and linguo-cultural and philosophical investigation approaches to the categories of tolerance and political correctness, along with the main directions, trends and priorities for the development of relevant categories research in Russian and world science.

The need to develop a tool to measure tolerance has recently appeared on the agenda of the Russian scientific community. While emphasizing the relevance of the language used by mass media and politicians, political scientists, sociologists, ethnographers, historians, register the manifestation of ethnic, racial, religious tolerance or intolerance in the language, thus directly or indirectly provoking aggression. It is known

that the notions of “security” and “geopolitics” also correspond to the sociopolitical and sociolinguistic parameters of intolerant speech behavior: they position “the Other” as a threat to the basic values that define the collective identity, and therefore derive these values from the political sphere.

In the context of solving problems of ethno-confessional security, countering xenophobia and developing tolerance in multi-ethnic and multi-religious Russia, it is necessary to regard tolerance as a cultural, psychological, political phenomenon. At the same time, the approach embracing linguistic phenomenon of tolerance via culture of speech, stylistics, rhetoric, communication theory, discursive practices, and assessment has not been sufficiently investigated. The review refers to studies devoted mainly to the linguistic aspect of tolerance, in which communicative technologies of tolerance are identified; the present-day cultural situation in the Russian Federation is measured and analyzed.

Keywords: tolerance, intolerance, political correctness, language of political correctness

References

Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija. Pod obshh. red. A. Beljakova i O. Matvejcheva. (2009) [Most Current Political Encyclopedia. Ed. A. Beljakov & O. Matvejchev] M.: Jeksmo. Print. (In Russian).

Voroncova T. A. (2009) Tipologija rechevogo povedenija (kommunikativno-pragmatischekij aspekt) [Speech Behavior Typology (Communicatively Pragmatic Aspect)]: 5: 21-31. Cuadernos de Rusística Española. Print. (In Russian).

Dubrovskij D.V., Karpenko O.V., Kol'cova E.Ju., Torchinskij F.I., Shpakovskaja L.L. (2003) Jazyk vrazhdy v russkojazychnom Internete: materialy issledovanija po opoznavaniju tekstov nenavisti [Hostility language in the Russian Internet: research materials on the identification of texts which contain hatred]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Print. (In Russian).

Zhizhek S. (2005) Interpassivnost', ili Kak naslazhdat'sja posredstvom Drugogo [Interpassivity, or How to Enjoy Using the Other]. Sankt-Peterburg: Aletejja. Print. (In Russian).

Ionin L.G. (2010) Apdejt konservatizma [The Update of Conservatism] [Tekst]. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysshej shkoly jekonomiki, Print. (In Russian).

Karmannaja jenciklopedija. The Hutchinson (1995) [Pocket Encyclopedia. The Hutchinson]. M.: Vneshsigma. Print. (In Russian).

Karpenko O. (2002) «I gosti nashego goroda» [“And the guests of our city”] // Otechestvennye zapiski [Russian Letters]: 6. Print. (In Russian).

Krysin L. P. (1998) Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov [The Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Rus.jaz. Print. (In Russian).

Kukatas Ch. (2011) Liberal'nyj arhipelag: Teorija raznoobrazija i svobody. Per. s angl. N. Jedel'mana pod nauch. red. A. V. Kurjaeva. [Liberal Archipelago: The Theory of Diversity and Freedom. A translation from English]. Moskva: Mysl'. Print. (In Russian).

Lobanova L.P. Ostorozhno: politkorrektnost' [Caution: Political Correctness] Web.URL:<http://www.polemics.ru/articles/?articleID=7334&hideText=0&itemPage=1> (Retrieval date: 21.02.2015).

Majba V.V. (2012) O strukture jazyka politkorrektnosti (na primere englijskogo i russkogo jazykov) [On the structure of the language of political correctness (A case study of the English and Russian languages)] // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]: 2: 102-108. Print. (In Russian).

Mal'kova V. (2002) Ostanovites'! Ogljanites'! K voprosu ob jetnicheskoj tolerantnosti i konfliktnosti v rossijskoj presse [Stop! Take a look! On the issue of ethnic tolerance and conflict in the Russian press]. M.: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Mal'kova V. (2002) Rossijskaja pressa i problemy jetnicheskoj tolerantnosti i konfliktnosti [The Russian Press and the Problems of Ethnic Tolerance and Proneness to Conflict] // My – sograzhdane (SMI i obshhestvo) [We are fellow citizens (media and society)], Vol.2: 296-313. M.: Bonfi. Print. (In Russian).

Mal'kova V. (2002) Rossijskaja pressa i problemy jetnicheskoj tolerantnosti i konfliktnosti [The Russian Press and the Problems of Ethnic Tolerance and Proneness to Conflict]. // Rossijskaja pressa v polikul'turnom obshhestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedenija [Russian Press in a Multicultural Society: Tolerance and Multiculturalism as Guidelines for Professional Behavior]: 158-159. M.: NIK. Print. (In Russian).

Mackovskij M. (2003) Tolerantnost' kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija [Tolerance as an object of sociological research] // Vek tolerantnosti [Age of Tolerance]: 4. Web. URL:<http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT> (Retrieval date: 07.12.2014).

Mihajlova O. A. (2005) Tolerantnost' i terpimost': vzgljad lingvista [Tolerance and Indulgence: A Linguistic Viewpoint] // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kollektiv. Monogr / otv. red. N. A. Kupina i M. B. Homjakov. [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance: A Collective Monograph. Ed. by N. A. Kupina & M. B. Homjakov.]: 99-111. M.: OLMA-PRESS. Print. (In Russian).

Mul'tikul'turalizm ili interkul'turalizm? Opyt Avstrii, Rossii, Evropy (2013) / Otv. red.: V. G. Sibirceva; nauch. red.: V. G. Zusman, T. B. Sidneva, N. Je. Gronskaja, V. S. Ahamer, T. P. Ponjatina. [Multiculturalism or interculturalism? Experience of Austria, Russia, Europe. Ed. by V. G. Sibirceva; scientific editors: V. G. Zusman, T. B. Sidneva, N. Je. Gronskaja, V. S. Ahamer, T. P. Ponjatina]. Vol. 9. N. Novgorod: Dekom. Print. (In Russian).

Ponarin Je., Dubrovskij D., Tolkacheva A., Akif'eva R. N. (2007) Indeks (in)tolerantnosti pressy [Index of press (in)tolerance] // V kn.: Jazyk vrazhdy protiv obshhestva / Sost.: A. Verhovskij. [In: Language of Enmity Against Society. A compilation by A. Verhovskij]: 72-106. M. Centr «Sova». Print. (In Russian).

Romanova T. V., Malafeev A. Ju., Morozova N. N., Klimova M. A (Fokina M. A.) (2017) Tolerantnost' kak kul'turnaja, politicheskaja, lingvisticheskaja problema (analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa) Monografija. [Tolerance as a Cultural, Political, Linguistic Phenomenon (An Analysis of Mass Media Materials and Political Discourse)]. Nizhnij Novgorod: DEKOM. Print. (In Russian).

Rjazanov A.V. (2007) Manipuljativnyj potencial koncepta «tolerantnost'» [The manipulative potential of the concept of tolerance] // Filosofija i obshhestvo [Philosophy and Society]1 (45): 82-98. Volgograd. Print. (In Russian).

Sternin I. A., Shilikhina K. M. (2000) Kommunikativnye aspekty tolerantnosti [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh: Voronezh. gos. un-t. Print. (In Russian).

Stroev S.A. V chem smysl politkorrektnosti? [What Is the Essence of Political Correctness?] Web. URL:<http://nechtoportal.ru/mirovaya/v-chem-smysl-politkorrektnosti.html> (Retrieval date: 13.01.2015).

Shefer B., Skarabis M., Shljoder B. (2004) Social'no-psihologicheskaja model' vosprijatija chuzhogo: identichnost', znanie, ambivalentnost' [Socio-psychological model of the perception of stranger: identity, knowledge, ambivalence] // Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]: Vol. 1: 1: 24–51. Print. (In Russian).

Jazyk vrazhdy protiv obshhestva / Sost.: A. Verhovskij (2007) [Language of Hostility Against Society. A compilation by A. Verhovskij] M. Centr «Sova». Print. (In Russian).